

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2019.45.4.073

Сравнительный анализ эффективности государственных дискурсов Китая и Советского Союза в середине XX века

Линь Вэньсинь

Докторант,

Школа международных исследований,

Пекинский университет,

1008715, Китайская Народная Республика, Пекин, район Хайдянь, ул. Ихэюань;

e-mail: nanshida1988@gmail.com

Аннотация

В статье говорится о том, что в середине XX века советская система идеологического дискурса была ослаблена, потеряла свою точность, разделение слов и дел в социальном дискурсе и общении и дискурсивное поведение оказались неэффективными. Советский идеологический дискурс в этот период стал жестким, создав «свободное пространство» и «свободного человека». Данный процесс разрушил систему изнутри. В это же время китайский революционный дискурс, наоборот, способствовал консолидации идеологической системы. Идеологический дискурс Китая являлся всеобъемлющим и всесторонне мотивирующим, обладал богатым содержанием. Система дискурса, созданная Коммунистической партией Китая, динамично развивалась, став всеобъемлющей системой со своими характеристиками, она всегда была новаторской, так что общество могло получить «массовую лояльность». Правительство имело возможность осуществлять контроль, и, следовательно, была исключена возможность возникновения неконтролируемого «свободного пространства».

Для цитирования в научных исследованиях

Линь Вэньсинь. Сравнительный анализ эффективности государственных дискурсов Китая и Советского Союза в середине XX века // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 4А. С. 116-126. DOI: 10.34670/AR.2019.45.4.073

Ключевые слова

Идеология, поведение, слова, символы, дискурс, сравнительный анализ.

Введение

В XX веке СССР и Китай начали строить новый социалистический уклад жизни. Политическая жизнь двух стран имела общую черту: с конца 1940-х годов и в Китае, и в Советском Союзе революционный дискурс стал выражением эмоций и настроения общественности. К середине 20 века оба государства создали систему интерпретативного дискурса для прошлого, настоящего и будущего, назвав ее «машиной идеологического государства». С 1950-х годов дискурсивная сила такой системы в Советском Союзе уменьшилась, и хотя идеологический дискурс Китая зародился по советско-российской модели, он превратился в целостную и всеобъемлющую систему. В данной статье предпринята попытка объяснить причины снижения эффективности советской и китайской дискурсивных систем в этот период, используя концепции семиотики и теории коммуникативного действия.

Дискурсивная система, коммуникативное поведение и понятие перформативности

В теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса дискурс определяется как коммуникативный акт. Дискурс, или речь, считается проявлением идеологического мировоззрения, инструментом для общения людей, а также средством управления правящим классом. Система дискурса часто рассматривается как система идеологического выражения. На всех уровнях общества существуют определенные дискурсы, которые объединяются в сеть, управляющую мышлением, действиями и организационными нормами или правилами членов общества, так что вся деятельность общества ограничена определением этого конкретного дискурса. В любом обществе правила, определяющие роль диалога в речи, выявляют критерии для определения того, что является рациональным и правдивым, говорить за пределами этих правил означает рисковать стать маргинализированным и изолированным. В этом смысле дискурс и идеология относятся к одному и тому же аспекту социальной жизни – идее осознания людьми индивидуальных отношений и действий, которые они включают [Purbvit, 1993].

В то же время идеология речи и сама языковая организация несовершенны и иногда ежедневное языковое общение истолковывается неправильно, поэтому не все слова являются коммуникативными. Другими словами, все дискурсы порождаются властью, но не все они противоречивы власти, поэтому дискурс может быть и инструментом, и результатом власти, и препятствием, и движущей силой. «Слова передают и генерируют власть; они укрепляют власть, но они также ослабляют ее основу и разоблачают ее, делая ее уязвимой и, вероятно, потерпевшей неудачу» [Фуко, 1989]. Можно сказать, что все слова порождены силой, но не все они полностью подчинены силе. Например, система дискурса изменилась с «семантического» на «практический» способ идеологического дискурса, такое поведение составляет «формальную структуру» повседневной жизни и отклоняется от первоначального «семантического» значения текста [Mertz, Elizabeth, 1996].

Исходя из этого, ряд эпистемологических гипотез марксизма, построенных вокруг различия между «реальным» или «ложным», приводят к концепции «ложного сознания», широко обсуждаемой в современном западном марксизме. Лархейн предлагает различать негативную и позитивную идеологию. Концепция определяет первое как искаженную идею, в то время как второе фокусируется на построении общественного сознания, а неназванная «теория дискурса»

Альтюссера составляет неотъемлемую часть его идеологической теории, которая косвенно способствовала выводам Фуко [Pêcheux, 1982].

Ведется немало дискуссий об этом изменении. Наиболее представительной является современная дилемма идеологии, предложенная Клодом Лефортом. Согласно его учению, система дискурса должна представлять «цель», существующую вне ее. Истина может реализовать политическую функцию возрождающей силы идеологии, однако внешняя природа этой «объективной истины» лишает саму систему дискурса средств для ее полного описания, что в конечном итоге подрывает легитимность этого дискурса и поддержанной им власти [Lefort, 1986]. Аарон Блум недвусмысленно утверждает, что «непрерывное подражание неизбежно ведет к трансформации и потере таланта» [Blyum, 2003], а постколониальная теория называет преобразование идеологических символов «метафорическим скольжением» [Bhabha, 1994], «скрытым издевательством» [Mbembe, 1992].

Сущность и предназначение дискурсивной системы

Эффективная система дискурса порождается необходимостью в эффективной речи: правдивой и легитимной, а также изолированной от контекста коммуникативного поведения до вступления в стратегическое взаимодействие. В процессе общего речевого взаимодействия коммуникативное поведение означает, что «все участники говорят слова и совершают поступки с целью выполнения действий и только для этой цели. В противном случае, если хотя бы один участник пытается посредством своих речевых актов вызвать эффект в действии, этот тип взаимодействия является языковым стратегическим поведением» [Хабермас, 2004]. Для того, чтобы дискурсивное поведение было эффективным, оно должно отвечать как минимум трем основным требованиям: 1) сделанное утверждение является верным; 2) речевой акт оправдан в существующем нормативном контексте; 3) речь выражается говорящим с целью что-то сказать.

Кроме того, общение обязательно должно быть «перформативным» – что-то означать и что-то делать. Джон Остин, пионер концепции перформативности, считает, что фраза «не только передает информацию от одной стороны к другой, но также способствует действиям получателей и обладает способностью действовать» [Остин, 1999]. Первый случай – это постоянная функция языка, а второй подчеркивает, что речь – это действие, которое воздействует на социальную реальность, а язык выполняет перформативную функцию [Тан Шицзи, 2008]. Остин считает, что в дополнение к «фиксированному» дискурсу, который описывает реальность вещей, язык также включает набор слов, которые что-то делают, например, судья, который говорит «виновен» в суде, и госслужащий, который говорит «объявлен вывод» из официальных обязанностей, и т.д. Поведение, воплощенное в этом дискурсе, меняет реальную вещь, а не только реальность, эти слова называются «перформативными словами». Выразительный дискурс выражает значение, которое может быть реальным или ложным, а перформативность дает эффект. Он не является истинным или ложным, но включает в себя уместность.

Поэтому, с одной стороны, говорящий должен высказаться, а с другой стороны, слушатель должен понять утверждение и предпринять соответствующие действия. Перформативность исключает возможность несоответствия слов и дел, поэтому язык играет роль в координационном механизме других форм поведения. На этом основании словесное общение может способствовать тому, чтобы мнения и интересы всех сторон признавались и уважались.

Каждый участник может преодолеть этноцентризм, достичь «децентрализации», оставаться открытым для других и понимать позиции и перспективы других. В отношениях поддержания индивидуальности и открытости действительно формируется этическая нормативная основа универсальности социальной жизни, этические правила являются основной предпосылкой для подтверждения разумного и эффективного диалога и общения.

Это правда, что создание «идеальной дискурсивной среды», основанной на принципе формализации эффективности «диалога» и «консультации» и присущих ей правил этики диалога, находится на некотором расстоянии от реальной жизни. Гуань Инцзю отмечает, что использование повседневного языка помогает достичь взаимопонимания [Гуань Инцзю, 2007]. Однако на практике так происходит не всегда. Точно так же, как в «Политике и английском языке» Дж. Оруэлл делает вывод о том, что упадок английского языка усугубит политический и экономический упадок, неоднозначность речи объясняется тем, что идеи глупы, а неоднозначность языка делает людей более склонными к принятию глупых идей. В середине XX века в Советском Союзе неэффективность дискурсивной системы привела к ряду проблем, в то время как Китай продемонстрировал жизнеспособность дискурсивной системы.

Эффективность советско-китайской дискурсивной системы в середине века XX века

В Советской России и Китае в первые дни после успеха революции произошли определенные изменения в языковой системе: словарь пополнился большим количеством новых фраз и словосочетаний революционного значения.

Лингвист Н.Я. Марр отмечал, что язык – это инструмент производства, «его преобразования следуют за изменениями в социальной базе» [Марр, 1977]. И. Сталин критиковал учение Н. Марра. Он опроверг теорию, рассматривавшую язык как средство производства, полагая, что язык полностью подчинен обществу и не может автоматически подвергнуться революционному скачку, политическая игра с языком не является способом генерации коммунистического сознания, коммунистический язык должен пониматься и управляться в соответствии с «объективным научным законом» [Сталин, 1950].

В теории советского языкознания семантика вышла далеко за рамки аргументации (коммуникации), и эта трансформация постепенно привела к серьезным последствиям в политической жизни: политический язык стал жестким, включая номинализацию, большое количество сложных модификаторов, использование частично совпадающих слов, неоднозначный смысл, неизменную форму и т.д.

Официальный язык Советского Союза появляется в фиксированной форме в различных официальных и неофициальных случаях: слова, используемые в речи, официальные документы, постеры-лозунги, портреты Ленина или Сталина – все они имеют единый, фиксированный, предсказуемый режим. Слова и эмоции во многих абзацах документа должны быть одинаковыми, любое изменение может рассматриваться как неверность режиму. Даже речи лидеров имитируют по форме друг друга, а содержание не имеет никакого отношения к контексту.

Лидеры государства опасались сказать или написать что-то, что будет сочтено неуместным и может вызвать возражения и раздражение. Когда Н. Хрущев произносил речь, всегда читал ее по письменному источнику. Лишь изредка он просил позволить ему отойти от текста и начинал говорить на классовом языке, который заучил в ходе партийных дискуссий начала 1930-х годов

[Юрчак, 2005]. Другим примером является то, что в выражении «марксизм-ленинизм и пролетарский интернационализм» Сулов настаивал на замене слова «и» тире, поскольку считал, что «марксизм-ленинизм» – это уже интернационализм пролетариата. Если используется слово «и», это означает, что они противоположны, что приведет к путанице [Бурлацкий, 1988].

С 1950 года по 1980-е годы официальный дискурс Советского Союза постепенно переходил от живого к неизменному, теряя свою способность подстраиваться под «изменяющуюся реальность» и становясь неспособным ярко представлять факты.

По сравнению с ситуацией в СССР, в Китае идеологический дискурс откликался на политические изменения, что отражалось в двух аспектах: во-первых, институциональные рамки системы дискурса постепенно становились китайскими, во-вторых, были внесены поправки в систему дискурса Мао Цзэдуном.

Эта трансформация нашла отражение в структуре Коммунистической партии Китая. Ранее созданные учреждения, такие как Народный комитет, Коммунистическая школа Маркса, Международная дивизия, Красная гвардия, Бюро национальной политической безопасности, Драматическое училище им. М. Горького и т.д., постепенно были переименованы: например, Коммунистическая школа Маркса переименована в Центральную партийную школу, Национальное бюро политической безопасности – в Центральное министерство социальных дел и Департамент пограничной безопасности. В первые дни в президиум Коммунистической партии Китая избирали известных зарубежных деятелей социалистического движения, таких как советские лидеры И. Сталин и Молотов, М. Горький, лидер японской коммунистической партии Сэн Катаяма, немецкий лидер Э. Тельман, а позже «иностранных друзей» в основном исключили.

Данная трансформация отразилась также и на культуре. Советская музыка, литература и кинематография были популярны в китайском обществе, но в конце концов все локализованы, вышли в свет соответствующие «китайские версии». Например, роман «Как закалялась сталь» и знаменитые высказывания героя П. Корчагина были широко распространены в китайском обществе, 5 октября 1951 года в «Народной газете» был опубликован специальный репортаж «Сталь закаливается таким образом – Китайский «Павел Кочакин», военнослужащий Ву Юньдо». С тех пор «Китайский Павел Кочакин – Ву Юньдо» стал известным символом. Что еще более важно, Коммунистическая партия Китая пересмотрела ключевые концепции китайской революции и создала свою собственную идеологическую структуру дискурса о китайской демократии и социалистической революции.

Подобно тому, как Ленин переопределил понятия «социалист», «революционер» и «нации» и привил сознание «пролетариата» и «интернационализма» рабочим и крестьянам, Мао Цзэдун, сосредоточиваясь на теории классов и массовой линии, переосмыслил китайский крестьянский класс. В Китае не было ни современной промышленности, ни рабочего класса, были только неграмотные крестьяне, которые составляли более 90% населения, а те крестьяне, которые прошли предварительную политическую подготовку, являлись опорой партии и революционной армии. Чтобы разрешить противоречие между китайской реальностью и советским названием крестьян «революционным союзником», Коммунистическая партия Китая непрерывно усиливала пропагандистский дискурс, чтобы подчеркнуть роль крестьян, начиная с Советского Союза и до антияпонской войны в эпоху Яньань. «Храбрость» и «лояльность» крестьян стали примером качеств «простых классовых чувств» пролетарской революции.

Коммунистическая партия Китая переопределила понятие интеллектуалов, которое раньше обозначало элиту общества, обладающую правом голоса и инструментами материального производства. Мао Цзэдун предложил, чтобы рабочие, крестьяне и солдаты были учителями литературных и художественных деятелей. Последние должны сначала учиться у рабочих, крестьян и солдат и «объединяться с массами», чтобы творить искусство, и на этой основе совершенствоваться в направлении пролетариата. Через борьбу литературной и художественной линии, исправление идей и организации цель литературы и искусства – служить политике пролетариата.

Затем Мао Цзэдун пересмотрел понятия «знание», «теория», «человечество», «индивидуум и коллектив» и определил базовую структуру новой культуры Китая. Мао подчеркивает, что в отношениях между людьми и коллективом индивидуумы должны подчиняться коллективу, а интеллектуалы должны подчиняться революции. Чтобы привить индивидуальную ответственность перед революцией и партией, он даже определил принципы написания революционной литературы и сделал ее высшим творческим принципом уставной революционной культуры (по форме и содержанию, политическим стандартам и художественным стандартам, популяризации и совершенствованию, пению и просветлению и т.д.).

Мао Цзэдун также разработал свои собственные характеристики и повлиял на общий стиль китайского революционного дискурса. После 1940-х годов дискурс Мао Цзэдуна о китайской революции становится все более понятным и мощным, например «Революция непобедима», «Мы приехали со всех уголков страны, стремясь к общей цели, собрались вместе, «От имени 40 миллионов человек», «Борьба между светом и тьмой», «Наше дело справедливо, дело справедливости непобедимо», «Без коммунистической партии и не будет нового Китая». Мао Цзэдун называл революционную силу страны «искрой», указывал, что китайская революция неизбежно будет формировать тенденцию с помощью «искры», империалисты будут называться «бумажными тиграми», точно выявляя суть империалистов и реакционеров. Он употребил метафоры в трех основных направлениях политики, реализованных в первые дни основания Нового Китая: «запускать новую печь», «односторонний», «приглашать гостей после уборки дома». Поэтому в процессе социалистической революции китайское общество было полно идеологических символов. Гора «Баота», «Нанниван», пещерные жилища, а также величественная мелодия «Защиты Реки Хуанхэ» и «Ода к Яньань» – все они получили идеологический смысл и таким образом стали своего рода волнующим символом, придали смысл и ценность революционной партии.

Эффективность и влияние дискурсивной системы и идеологии

«Окостенение» идеологического дискурса Советского Союза сказалось на национальной идеологии и стало одной из причин неэффективности советской идеологии. В 1981 году Брежнев признался в своем выступлении: «Важно, чтобы в пропагандистской работе не было более серьезных проблем, чем боязнь придумывать так называемые старые проблемы, потому что, если мы не отвечаем на вопросы, то наши враги сделают все возможное, чтобы использовать это для осквернения социализма». Здесь следует подчеркнуть, что вся идеологическая образовательная работа должна быть живой и увлекательной, а не бюрократической и трудолюбивой» [Ли Шулей, 2011]. Идеологическая работа Советского Союза долгое время находилась в глубоком кризисе, и этот кризисный процесс ускорился после «оттепели» в 1950-х годах.

В Советском Союзе официальный символ, несмотря на его повсеместное распространение и идеологию, пронизывающую все стороны общественной жизни, не имел практического значения. Его значение было перенесено на второе место, больше приближенное к ритуалу. Он существует в визуальных образах (плакаты, рекламные щиты, фильмы, памятники, архитектурные формы и т.д.), мероприятиях (конференции, выборы, сертификаты, торжества и т.д.), повседневной жизни (городская жизнь, школьная жизнь и т.д.). Поэтому люди используют прагматичные взгляды для интерпретации повседневных идеологических практик. «В большинстве случаев сексуальный компонент официального советского дискурса становится все более и более важным, в то время как компонент выражения становится все менее и менее неопределенным» [Mugav, 2006].

В качестве примера разделения слов и дел можно назвать выборы. Выборы должны иметь два значения: первый – дискурсное значение, т.е. поведение выражает мнение избирателей, а второе – маркировка мнения избирателей и признание, что это законное «право говорить», что и означает перформативное значение. Эти два значения сосуществуют, хотя их относительная важность будет варьироваться в зависимости от контекста. После смерти И. Сталина в 1953 году выражение мнения было зафиксировано как акт и имело важное значение, однако само мнение становилось все менее и менее важным и такого рода коммуникационное поведение становилось пустым. Люди использовали язык и участвовали в церемониальных мероприятиях просто для того, чтобы сохранить свою идентичность, а их слова и дела могут не совпадать. Например, на местных и центральных выборах обычно был только один (официальный) кандидат и он всегда получал стопроцентную поддержку от избирателей. Всеобщее участие в таких выборах и стопроцентная поддержка кандидатов являлись в некотором смысле правдой и проявлением стопроцентного согласия избирателей. Однако большинству избирателей было все равно, кого они выберут. Для них имена многих кандидатов были незнакомы до голосования.

В Китае ситуация обстояла иначе. Идеологический дискурс в этот период всегда был очень поучительным. Полная идеологизация общественной жизни вызвала как положительные, так и отрицательные последствия. Позитивные аспекты включают создание революционных литературных произведений, особенно классических романов и революционных мемуаров, адаптацию в фильмах, драмах, комиксах и т.д., а также пропаганду в СМИ, школьное языковое образование и музеи, галереи, газеты и журналы. Другими словами, новая революционная дискурсивная система проникает во все уголки повседневной жизни, включая все аспекты ежедневного публичного дискурса и личного дискурса китайского народа. Революционная классика стала самым влиятельным символом Нового Китая благодаря героическим и негативным персонажам, построенным на языке и их языковых выражениях, таких как риторика революционного идеализма, афоризмы полиции и т.д. Негативные аспекты также были очевидны. Такие преувеличенные формулировки, как «высокодоходные спутники», «смелые люди имеют смелое производство», «барабаны и усилия, стремление к верховьям, как быстро и качественно построить социализм», «взять зерно как ключ», «взять сталь как ключ» и другие, привели к пустому дискурсу и отчасти к экономическим трудностям 1959-1961 годов. Лозунг «Бунт и есть рациональность» не только суммировал внутреннюю логику простого, грубого и высокомерного общественного движения, но и побуждал людей участвовать в взломе, «сгореть», «сокрушить», «уничтожить», и все было основано на «классовой борьбе».

Гетеронимный сдвиг слов и поступков открыл новые возможности для взаимоотношений между людьми, сделав возможным новое групповое познание и новые контакты. В частности,

появилось новое свободное пространство для советского общества, которое не подлежит (правительственному) контролю. Среди простого народа появились огромные группы «свободных людей», или «нормальных людей», которые не противостояли официальному дискурсу и системе, не увлекались ею, а создавали свое собственное жизненное пространство. Например, участие в параде без анализа его содержания, а просто с целью встречи со старыми друзьями и получения удовольствия. Кроме того, система идеологического дискурса была ослаблена из-за утилитарных и практических настроений.

Сила власти вездесущая и всеобъемлющая, но сила, определенная «авторитетным дискурсом», не может проникнуть в те культурные формы, которые она определяет как «свободное пространство». Ритуальное участие образованных людей Советского Союза во всех церемониях не имело смысла, вместо этого была разрушена идеология и в конечном итоге разрушен смысл режима, что привело к кризису идеологической функции.

В Китае все обстояло совсем иначе. Около 1942 года Коммунистическая партия Китая создала свою собственную зрелую систему идеологического дискурса. До и после этого вышло много инструкций, таких как «Двенадцать правил для большевиков», «О культивировании коммунистов», «Как стать коммунистом» и другие документы, движение «Критика и самокритика» позволило интеллектуалам хотя бы ненадолго охотно подчиниться и принять преобразования.

Относительно идеологической обработки сельских масс Мао Цзэдун отметил, что «основная задача политической работы состоит в том, чтобы постоянно прививать социалистические идеи и критиковать капиталистические тенденции в отношении крестьянских масс». В июле 1957 года Мао Цзэдун четко заявил в своей статье «Ситуация летом 1957 года», что широкомасштабное социалистическое образование должно проводиться для всего сельского населения. С 1960 года издалось много инструкций по воспитанию в школах по вопросам ректификации и социализма, а к 1963 году было развернуто масштабное движение «Четыре зачистки». В этот период были проведены такие мероприятия, как движение «Напоминание о горьком и мечта о сладком», «Отправление кадров в сельскую местность». Движение «Четыре зачистки» и «Борьба против пяти зол¹ – это полномасштабные, широкомасштабные общественные движения, которые являлись одновременно пропагандой, образованием, идеологической обработкой, а также социальной и политической мобилизацией.

Для молодых студентов в высших учебных заведениях специально открывались социалистические идеологические учебные курсы. В период «движения за выправление стиля работы партии (КПК)» и борьбы с «правами» с 1956 по 1957 год было опубликовано несколько публицистических заметок, таких как «Не закрывайте глаза перед болью народа» Хуан Цюци, Ван Шивэй и Гу Чжуна предложили передумать о «дисциплине и наказании». В вузах проводились дебаты, например о «буржуазной академической критике». После ряда преобразовательных движений многие интеллектуалы порвали со старыми знаниями и идеями. Известный социолог Фэй Сяотун отметил: «Интеллигенция признала, что прошлый сет был абсолютно бесполезным и не работал» [Чжан Цзяньхуа, 2016]. Философ Джин Юелин писал:

---

¹ Борьба против пяти зол означает борьбу против взяточничества, уклонения от уплаты налогов, расхищения государственного имущества, недобросовестного выполнения государственных подрядов и заказов, хищения государственной экономической информации.

«Это историей суждено. Мы не убежаем, мы должны вынести ее. Система знаний у нас не работает, история теперь – не наша» [Гао Хуа, 2006].

За городским и сельским социалистическим идеологическим образованием с темой «Усиливать пролетариат и подавлять буржуазию» последовал ряд движений, таких как «Противодействие коррупции и предотвращение ревизионизма», «Противодействие мирной эволюции». Если после завершения социалистической трансформации в 1957 году была создана социалистическая политическая и экономическая система, но социалистическая идеология тогда все еще не проникла в сердца людей, то к середине 1960-х годов марксистская идеология стала доминирующей концепцией всего народа. Укоренившаяся и прорастающая социалистическая идеология смогла полностью охватить все сферы общественной жизни.

Заключение

К 1970-м годам советская система идеологического дискурса постепенно становилась жесткой, теряя точность и жизненную силу, то есть разделение слов и дел в социальном дискурсе и общении и дискурсивное поведение были неэффективными. Это, в свою очередь, породило врага для идеологии – «свободное пространство» и «сторонних наблюдателей», которые не сопротивлялись этому и не участвовали в этом. Данный процесс разрушил систему изнутри.

В течение этого периода система дискурса, созданная Коммунистической партией Китая, динамично развивалась с «импортируемой» на всеобъемлющую систему со своими характеристиками, она всегда была новаторской, так что общество могло получить «массовую лояльность». Таким образом, правительство имело возможность осуществлять контроль, и, следовательно, отсутствовала возможность возникновения неконтролируемого свободного пространства.

Библиография

1. Гао Хуа. На вершинах революционных слов // Форум социальных наук. 2006. № 8. С. 47.
2. Гуань Инцзю. Как могут быть возможны диалог и переговоры // Журнал Шэньчжэньского университета (гуманитарные и социальные науки). 2007. № 5. С. 43.
3. Корндаков Н.И. Язык газеты. М.: Легпром, 1941. 122 с.
4. Ли Шулей: Воссоздание языка, стратегии и управления. URL: <http://www.aisixiang.com/data/72407.html>
5. Марр Н. Язык и Мышление. Палеолит Африки. Л., 1977.
6. Остин Д. Как совершать действия при помощи слов. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 199 с.
7. Тан Шицзи. История западных политических мыслей. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2008. 444 с.
8. Фуко М. История секса. Шанхай: Шанхайская научно-техническая пресса, 1989. 189 с.
9. Хабермас Ю. Теория коммуникативного поведения. Шанхай: Шанхайский народный издательский дом, 2004. 281 с.
10. Чжан Цзяньхуа. Зеркало мышления: интеллектуалы и политические перемены в Советском Союзе 1936-1991 гг. Пекин: Social Sciences Academic Press, 2016. 234 p.
11. Bhabha H. The Location of Culture. London and New York: Routledge, 1994.
12. Blyum A. A Self-Administered Poison: The System and Functions of Soviet Censorship. Oxford, 2003.
13. Claude L. The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Democracy, Totalitarianism. Cambridge: MIT Press, 1986. 211 p.
14. Mbembe A. The Banality of Power and the Aesthetic of Vulgar Postcolony // Public Culture. 1992. No. 4. P. 5.
15. Mertz E. Recontextualization as Socialization: Text and Pragmatics in the Law School Classroom. In: Natural Histories of Discourse. Silverstein, Michael and Greg Urban, eds. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.
16. Murav H. How Things Were Done in the U.S.S.R. Current Anthropology. 2006. Vol. 47. No. . P. 875-876.
17. Pecheux M. Langlage, Semantics and Ideology. New York: St. Martins Press, 1982.
18. Purbvit H.A. Discourse, Ideology // The British Journal of Sociology. 1993. No. 44(3). P. 473-499.

Comparative analysis of the effectiveness of state discourses of China and the Soviet Union in the middle of the twentieth century

Ven'sin' Lin'

Doctoral Studente,
School of International Studies, Peking University,
1008715, Yiheyuan rd., Haidian district, Peking, People's Republic of China,
e-mail: nanshida1988@gmail.com

Abstract

In the middle of the twentieth century, the Soviet system of ideological discourse was weakened, lost its accuracy, the separation of words and deeds in social discourse and communication and discursive behavior were ineffective. Soviet ideological discourse during this period became tough, creating "free space" and "free man." This process destroyed the system from the inside. At the same time, the Chinese revolutionary discourse, on the contrary, contributed to the consolidation of the ideological system. The ideological discourse of China was comprehensive and comprehensively motivating, had a rich content. The discourse system created by the Chinese Communist Party was developing dynamically, becoming a comprehensive system with its own characteristics. It was always innovative, so that society could get "mass loyalty". The government was able to control, and, therefore, there was not the possibility of uncontrolled "free space". Chinese ideological discourse responded to political changes, which was reflected in two aspects. Firstly, the institutional framework of the discourse system gradually became Chinese, and secondly, amendments were made to the discourse system. This article attempts to explain the reasons for the decline in the effectiveness of Soviet and Chinese discursive systems during that period, using the concepts of semiotics and the theory of communicative action.

For citation

Lin' Ven'sin' (2019) Sravnitel'nyi analiz effektivnosti gosudarstvennykh diskursov Kitaya i Sovetskogo Soyuza v seredine KhKh veka [Comparative analysis of the effectiveness of state discourses of China and the Soviet Union in the middle of the twentieth century]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (4A), pp. 116-126. DOI: 10.34670/AR.2019.45.4.073

Keywords

Ideology, behavior, words, symbols, discourse, comparative analysis.

References

1. Bhabha H. (1994) *The Location of Culture*. London and New York: Routledge.
2. Blyum A. (2003) *A Self-Administered Poison: The System and Functions of Soviet Censorship*. Oxford.
3. Chzhan Tszyan'khua (2016) *Zerkalo myshleniya: intellektualy i politicheskie peremeny v Sovetskom Soyuze 1936-1991 gg.* [Mirror of thinking: intellectuals and political changes in the Soviet Union in 1936-1991]. Pekin: Social Sciences Academic Press.
4. Claude L. (1986) *The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Democracy, Totalitarianism*. Cambridge: MIT Press.
5. Fuko M. (1989) *Istoriya seksa* [The history of sex.]. Shanhai: Shanhaiskaya nauchno-tekhnicheskaya pressa Publ.

6. Gao Khua. (2006) Na vershinakh revolyutsionnykh slov [At the top of revolutionary words]. *Forum sotsial'nykh nauk* [Forum of Social Science], 8, pp. 47.
7. Guan' Intszyu (2007) Kak mogut byt' vozmozhny dialog i peregovory [How dialogue and negotiations may be possible]. *Zhurnal Shen'chzhen'skogo universiteta (gumanitarnye i sotsial'nye nauki)* [Journal of Shenzhen University (humanities and social sciences)], 5, p. 43.
8. Khabermas Yu. (2004) *Teoriya kommunikativnogo povedeniya* [Theory of communicative behavior]. Shanghai: Shangkhaiskii narodnyi izdatel'skii dom Publ.
9. Korndakov N.I. (1941) *Yazyk gazety* [The language of the newspaper]. Moscow: Legprom Publ.
10. Li Shulei. *Vossozdanie yazyka, strategii i upravleniya* [Recreating of language, strategy, and management]. Available at: <http://www.aisixiang.com/data/72407.html> [Accessed 15/08/19].
11. Marr N. (1977) *Yazyk i Myshlenie. Paleolit Afriki* [Language and thinking. Paleolithic of Africa]. Leningrad.
12. Mbembe A. (1992) The Banality of Power and the Aesthetic of Vulgarity Postcolony. *Public Culture*, 4, p. 5.
13. Mertz E. (1996) Recontextualization as Socialization: Text and Pragmatics in the Law School Classroom. In: *Natural Histories of Discourse*. Silverstein, Michael and Greg Urban, eds. Chicago: The University of Chicago Press.
14. Murav H. (2006) How Things Were Done in the U.S.S.R. *Current Anthropology*, 47, pp. 875-876.
15. Ostin D. (1999) *Kak sovershat' deistviya pri pomoshchi slov* [How to do actions things with words]. Moscow: Ideya-Press; Dom intellektual'noi knigi Publ.
16. Pecheux M. (1982) *Langlage, Semantics and Ideology*. New York: St. Martins Press.
17. Purbvit H.A. (1993) Discourse, Ideology. *The British Journal of Sociology*, 44(3), p. 473-499.
18. Tan Shitszi (2008) *Istoriya zapadnykh politicheskikh myslei* [History of Western political thoughts]. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta Publ.